

Вэй Хуань, видя, что я погрузилась в раздумья, сама подошла к перилам моста и стала оглядываться по сторонам. Через некоторое время она вернулась и позвала меня:

— Эрнян, посмотри, сколько павильонов теперь построено на реке Ло!

Я последовала за направлением её руки и действительно заметила, что русло стало уже, чем прежде. Куда ни глянь — всюду резные балки, расписные стены, изогнутые крыши да острые углы кровель. Мы сегодня позвали с собой и Дугу Шао, и та, заметив наш интерес к строениям на реке, принялась загибать пальцы, перечисляя:

— Это усадьба великой княгини Цяньцзинь, это наследника князя Ци, это князя Цзи, это герцога Удина...

Выслушав её перечень, я вдруг вспомнила и спросила:

— А разве нет усадьбы великой княгини Яньань?

Дугу Шао склонила голову набок, подумала и лишь тогда ответила:

— Никогда не слышала, чтобы княгиня Яньань и её супруг строили загородный дом в Лояне. — Затем она улыбнулась:

— Княгиня всегда была скромна, вероятно, не захотела обременять себя такими хлопотами.

Я подумала, что её частые визиты во дворец для угождения отцу никак не походили на поведение человека, чуждого тщеславия. Но раз уж снаружи она стяжала славу скромницы, значит, её замыслы, должно быть, куда обширнее. Что до брака Ли Жуя — я, как сестра, ничем не могла помочь. Потому лишь покачала головой и отшутилась:

— А сад построить — дело хорошее. Раз разбиваешь сад — нанимаешь работников, закупаешь повсюду лес, камень, украшения. От этих хлопот многие кормятся.

Вэй Хуань и Дугу Шао удивлённо подняли брови. Дугу Шао переспросила:

— Что?

Я не сумела сразу объяснить, зато Вэй Хуань, задумавшись, сказала:

— Полагаю, Эрнян имеет в виду, что бедняки, не годные в войско, могут на таких стройках работать — возводить, таскать, подрезать. Так хоть пропитание будет, а то и излишек заработают, чтобы семье помочь.

Я улыбнулась:

— Именно. В конце концов, для стройки всегда нужны руки. Даже если не для самой стройки, то для закупок да изготовления. Бедняки, что сами себя не прокормят, либо в рабство продадутся, либо на казённую службу пойдут. Так или иначе, наша почтенная княгиня Цяньцзинь и прочие не обеднеют — вряд ли они, строя усадьбу, покупятся на горсть зерна для подёнщиков.

Дугу Шао погладила подбородок:

— Впервые слышу такое рассуждение, но звучит разумно.

— Ничего особенного, — ответила я. — В старину нанимали пострадавших от бедствий на строительство дамб да рытьё колодцев. Отец с матушкой велели набирать в войско из скитальцев — смысл тот же. Только там забота общая, а сад — дело частное.

Мяо Шэнькэ, желая польстить, как-то хвалил передо мной эту мысль матушки, называя её многогранной. Он, человек учёный, восхвалял матушку, ссылаясь на древность и современность, пространно и красноречиво — словно она была первым экономистом аж со времён Паньгу. Слушать было и смешно, и грустно. В прошлой жизни многие полагали, будто древние глупы, и путешественник во времени, явись он, мог бы покорить всех одним лишь превосходством своих знаний. Не ведали они, что древние, пусть и не владели позднейшими теориями, уже вывели множество практических законов. Взять хотя бы ремёсла и торговлю — не говоря уж о таких личностях, как Тао Чжугун или Сан Хунъян, даже нынешние наши министры финансов постигли их суть. Случалось, они роняли перед отцом с матушкой словечко, а те умели уловить суть и, взвесив обстоятельства, применить совет.

Дугу Шао снова наклонила голову, подумала и наконец хлопнула в ладоши:

— Верно говоришь. Эрнян, зорко ты смотришь.

Мне стало неловко от её похвалы, и я, покраснев, сказала:

— Вообще-то, не я это придумала, а наставник Мяо научил.

Ловко переложив заслуги на Мяо Шэнькэ, я тут же взглянула на Вэй Хуань в надежде, что она сменит тему. Но та, увидев моё смущение, не только не выручила, а ещё и добавила:

— Эрнян с тех пор, как всерьёз взялась за учёбу, сильно преуспела.

При этих словах меня охватила досада, и я топнула ногой:

— Каждый день встаю затемно, учу тексты, пишу иероглифы. Занимаюсь по три-четыре часа, а в десятидневке единственный выходной ещё и предваряется десятидневным экзаменом! Провалишь десятидневный экзамен — заставляют переписывать да после занятий оставаться. При такой учёбе, если не преуспеешь, то и впрямь окажешься глупышкой.

В прошлой жизни было два выходных в неделю, каникулы зимние и летние. Захотел что-то узнать — полез в сеть. Не захотел учиться — прогулял, на занятиях подремал. А теперь не только времени в обрез, но и учить приходится смехотворный «Сяоцзин» да всякие правила поведения для женщин, слушать, как почтенные наставники превращают всю живую интересность истории и бесед в сухие догмы. Да ещё вдобавок мистическую философию, пёструю буддийскую премудрость, каллиграфию, от которой умираешь, а толку нет, и простейшую арифметику, которую никогда не объяснишь учителю внятно. Легковесные слова «всерьёз взялась за учёбу» — а внутри одни слёзы да кровь.

Вэй Хуань лишь смотрела на меня и улыбалась. Чуть погода она толкнула меня:

— Эрнян, не будь неблагодарной. Многие и мечтать не смеют о таком учении. Взгляни на учеников Внутренней школы — чтобы книгу получить, учителя подкупают. Выучишь «Цзюцзю чжан» — и то на девятый ранг претендуешь. А ты, что и стихи слагать умеешь, и прозу сочинять, и каноны с историей одолеешь, — и впрямь словно феникс.

Я не могла понять — хвалит она меня или подтрунивает? Ухватила её за руку, полусерьёзно:

— Поняла. Впредь, как наставник задаст стих или сочинение, — тебе перепоручу. Вот и ты фениксом станешь.

Вэй Хуань изменилась в лице, шлёпнула меня по руке:

— Эрнян, с ума сошла? Кто я такая, чтобы «фениксом» зваться? Такие, как ты да Дугу-нянцзы, — вот драконы да фениксы меж людей. Я же, в лучшем случае, — дикая курица.

Дугу Шао, услышав, что её похвалили, улыбнулась так, что глаз не стало:

— Если верить Сынян, то и Цуй Вторая — феникс, и Ланьцзе — феникс. Выходит, все мы тут — фениксы, и лишь ты одна — дикая курица. Так ты нам и вовсе редкость! Нам, фениксам, самое место тебя на почётное место возвести, вождём избрать, «главной птицей» наречь. А уж кто сочинение лучше всех напишет, тот будет последним, зваться «хвостовым фениксом». Кто хуже всех — тот «головной феникс», первый после «главной птицы». Остальных по рангам распределим: «второй феникс», «третий феникс» и так аж до «седьмого» да «восьмого». Эрнян, как думаешь? Готова поспорить на сто связок монет, что Цуй Вторая точно «хвостовым фениксом» окажется. И тогда мы ею одной и будем помыкать — раз уж она последняя.

Она говорила и жестикулировала, отчего Вэй Хуань не знала, то ли смеяться, то ли сердиться, и ворчала:

— Шилюнян, не смейся надо мной.

Я рассмеялась:

— Звучит логично. Можем даже клуб основать, назовём «Клуб фениксов»... — Не договорив, сама же и покатила со смеху. Они не поняли моей усмешки, и Дугу Шао совершенно серьёзно поддержала:

— Имя хорошее. Так и назовёмся. В следующий раз я принимаю, созову всех сестёр из «Клуба фениксов» за город прогуляться. Эрнян, смотри, выходной оставь, с другими не сговаривайся.

Я, лишь заслышав это название, снова залилась смехом, покачиваясь:

— Ладно, «Клуб фениксов». А-Хуань, смотри, метёлок побольше запаси... Ой!

Неловко откинувшись, я едва не свалилась. Вэй Хуань и Дугу Шао подхватили меня с двух сторон. Вэй Хуань насмешливо заметила:

— Эрнян, если будешь так смеяться, не глядя под ноги, то не фениксом станешь, а драконом, что по реке Ло плавает.

Видя их недоумение, я снова ощутила досадную скуку, сдержала смех и сказала:

— Ладно, всё равно не поймёте. Уже поздно, пора во дворец возвращаться. Шилюнян, разве Цуй-нянцзы ещё не оправилась? В прошлый раз она уже на ногах была, казалось, недомогание пустяковое.

Дугу Шао ответила:

— Болезнь — дело непредсказуемое. То лучше, то хуже, никакой определённости.

Я промычала в ответ и попросила её передать Цуй Мин-дэ мои пожелания, после чего взяла

Вэй Хуань под руку и направилась во дворец.

Не знаю, оттого ли, что я над ней подшутила, но Вэй Хуань всю обратную дорогу молчала. Я, вспомнив её чувствительность, поспешила её задобрить:

— Всё же ты права: лучше всего, когда казна пособие выдаёт. Ни приостановка строительства дворца Шанъян, ни частные пожертвования не сравнятся с указом о наборе в войско. Так и от внешних врагов защитимся, и мощь государства явим. И впрямь многогранная польза. А-Хуань, ты умна. Учись ты со мной — наверняка бы меня превзошла. Но даже и так твоих познаний уже не занимать.

Вэй Хуань бросила на меня взгляд и вдруг рассмеялась:

— Эрнян, думаешь, я так мелочна, что из-за пары шуток обижусь? Я не сержусь, не беспокойся.

<http://bllate.org/book/16278/1466483>